

VII. Дѣло объ убійствѣ „наймички“ ея хозяйкою Пелагеей Плющенковою.

а) Постановленіе сотеннаго уряда.

Року тисеча шестсотъ осмѣдесять девятого, месеца мая двадцатъ девятого дня. На вряде нашомъ Борзенскомъ, передъ нами Петромъ Макаровичомъ, атаманомъ городовимъ, Кириломъ Марковичомъ, войтомъ, и при бытности пана Івана Сухини, высланого зъ Батурина, и значного товариства Семена Закорки, Андрея Петровича Саломахи, Івана Павловича Круглика, Мойсѣя Денисовича, Савы Даниловича, бурмистра, и многихъ мещанъ Борзенскихъ при томъ будучихъ, ижъ постановивъшися Тишъко Батюта, житель Миколаевъскій, съ притомъною малжонкою своею, утемежливе и жалосне, зъ немалим жалемъ оповѣдали, ускаржаючися на Пелагию Грициху Плющенкову жону, дочьку Нестора Короповъского, жителку нашу Борзенскую, же власную дочьку Тишъкову Батютину, наймя Екатерину, девицу, въ небытности самого господара, подпилою будучи, служащую наймичьку свою, чи зъ умислу, чили зъ

трафунку, о томъ Богъ всемогущий знаетъ, невѣдомо за якую причину, а зъ належного своего жонского поступьку, чого бы ей не годило чинити, порвавъшися до ручьницѣ, либо не зналася, же была заправлена, Екатерину наймичку свою, а дочьку власную жалосного отца Тишъкову, на смерть зъ ручницѣ застрѣлила. О томъ, якъ за обжалованемъ жалоснимъ инквизиція свѣдѣчачи продуковала и на врьде нашоу припозваная Пелагия Грициха Нестуровъна за пытанемъ, мусила признавати забойство, про що бысть таковий злий учинокъ учинила, зъ якого ранкору, або за який виступокъ смѣла на смерть забити девицу наймичку свою? То призналася добровольне, тилко, мовить, было причины за одну фанту кармазиновую старую, що удерто шмать полы; питаламъ, если то ти учинила шкodu, — тилкожъ она, небожчица Екатерина, мовила, же я того не привинна, не знаю и не видаю, бо тое еще при самомъ господарови, якъ до войска нейшолъ, учинилося ударте. И за тую причину хотѣламъ пострашити, поставиламъ ей на той фантѣ, узавъши ручьницу съ колка, а правдѣ не знаючи, ижъ была заправлена, якъ звела куроу, безъ подписьки опустился, не вѣдати зъ чого спалило на пановьцѣ, и застрѣлила небожчицу на смерть. По такомъ признатю то, заразы тую забойцу Пелажку Грициху Нестуровъну велѣлимо дать до вязения, а тѣло забитои девицы, що лѣтнього времени нельзя долго держати, урадовъне записавъши, до гробу отпровадити. А що Тишъко Батюта, небожчикъ, Екатерининъ отецъ, не барзо инстикговать, то мы зуполный урядъ засѣлий до високоповажного суду енералного, виписавъши о такомъ зайсте неслиханомъ забойстве сталомъ служахой девицы отъ Грицихи Плющенковой жони, просячи науки покорне, доносимъ знати, и всю справу висвѣдчивъши небожцѣ забитое отца, же не позволилъ Грицихи до гробу при тѣли явне вести, за намовами людскими и прозьбою, склонился до згоды и вже сталася певная и неотмѣнная на вѣки вѣкомъ угода. Судъ поважный енералний, на волѣ ся то стало инъстикгаторекой допустилъ и того, ижъ въ той справе поеднали, не ганилъ и не розривать... (конца нѣтъ).

б) Отвѣтъ генер. суда на представленіе сотеннаго уряда.

Мои ласкавіе приятелѣ, пане атамане и войте Борзенские! Пишете до насъ, даючи знати о томъ зайсте неслиханомъ забойстве, сталомъ служахой девицы отъ Грицихи Плющенковой жони, въ небытности самого господара, подпшое, же небожку застрѣлила, чи зъ умислу, чили зъ трафунку, о томъ Богъ Всемогущий знаетъ, и воздасть комуждо по дѣломъ, яко ширей въ писмѣ ваша милость выражаете. Милость всимъ освѣдчоную небожчици забитое отца, же не позволилъ Грицихи до гробу при тѣлѣ явно вести, и якъ за намовами людскими и прозбою склонился до згоды, и вже сталася певная и неотмѣнная на вѣки вѣкомъ угода

на волѣ то стало инстикгаторской, того южъ и ми судомъ нашимъ въ той справѣ поеднаня не розриваемъ, однакъ гриху и помсти Божое варуючися, безъ карности такого проступѣства мимо законъ Божий, повинность наша судовая пуститъ такъ заразъ тую забойцу не повелѣваетъ, бо если право святое отцевъ, который бы сина своего хотячи и нехотачи забилъ, указуетъ рокъ на шесть недѣль у везеню седѣти, а другой рокъ въ соборѣ церковномъ себе чтирикротъ на празники обличати, а сеей забойци Грицисѣ, которая подпилою будучи, знати зъ ухвальства своего надъ служебкою такое окрутное дѣло пополнила, овшемъ треба карности дати. Зачимъ, абысте ей дали до вязеня, то есть до турмы, ежели на долгое сѣдѣня способна, а ежели набить прикра, то въ якую комору крайнюю ее посадѣте, жебы слюта не досаждала; где маєтъ седѣти рокъ и шесть недѣль ведлугъ права, за свой виступокъ, или вину пеняжную ровную зъ нагородоу укривжоному нехай намъ суду отдасть, ежели захочеть фолкги и волности отъ сѣдѣня, кдижъ и вина Божая есть. Тилко маєте, ваша милость, отъ насъ информации въ той справѣ ихъ, жебы такъ, а не иначе было, мѣти хочемъ, яко будучи вамъ всего добра приятель зычливый, ихъ царского пресвѣтлого величества войска Запорозского судя на мѣстцю ясновелможного его мил. пана гетмана зостаю Михайль Вуяховичъ рукою.

в) Увѣдомленіе генеральнаго суда объ освобожденіи Плющенковой отъ заключенія.

Мой ласкавий приятеле пане атамане Борзенський и пане войте тамушній зъ бурмистрами! Пожеважъ Грициха того своего злого учиньку жалуючи, досить тому укривжоному отцеві зешѣлое забитое небожчицѣ съ того свѣта учинила, сорокоуста за душу ее уеднала, теди судъ нашъ респектомъ и малихъ дѣтей, и прихилившись на прозбу отца Грицишина и дядка, отъ вязеня увольняетъ, съ которого абысте, ваши милости, южъ жадного датку не витягаючи, выпустили и въ домъ до дѣтей пойти и вольно мешкать (памятаючи на грѣхъ тотъ, жеби до покути ся доброволне удала) позволили, притом того пильно хотячи мѣти. И остаю на завѣше, (зъ Батурина мая 28, 1689 року) вашимъ милостемъ всего добра зычливымъ приятелемъ, ихъ царского пресвѣтлого величества Войска Запорозского енералний судя и наказный гетманъ Михайль Вуяховичъ рукою. (Изъ Борзенской ратушної книги).